

УДК 341.3

ББК 67.410.2

ЧУБУКОВ БОГДАН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Студент, Сибирский Федеральный Университет, Институт
управления бизнес-процессами (Красноярск, Россия)
e-mail: 8531490@gmail.com

КОСТЕНКО ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Аспирант, Сибирский федеральный университет, Юридический
институт, кафедра уголовного процесса
и криминалистики (Красноярск, Россия)
e-mail: demit11@yandex.ru

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:

НАЗАРОВ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ

доктор юридических наук, доцент, заведующий и профессор
кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического
института Сибирского Федерального Университета
(Красноярск, Россия), профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики Санкт-Петербургского государственного
университета (Санкт-Петербург)

BOGDAN A. CHUBUKOV

Student, Institute of Business Process Management,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
e-mail: 8531490@gmail.com

DMITRII S. KOSTENKO

graduate student, Siberian Federal University Law School,
Assistant Professor of Department of Criminal Procedure
and Criminalistics (Krasnoyarsk, Russia)
e-mail: demit11@yandex.ru

SCIENTIFIC SUPERVISOR:

ALEXANDER D. NAZAROV

Dr. Sci (Law), Docent, Full Professor and Head
of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia),
Full Professor of the Department of Criminal Procedure
and Criminalistics of St. Petersburg State University
(Saint Petersburg).

СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ДОМАШНЕГО АРЕСТА И ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CORRELATION OF THE LEGAL NATURE OF HOUSE ARREST AND PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF PREVENTIVE MEASURES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Институт мер пресечения в отечественном уголовном процессе прежде всего связан непосредственно с эффективностью расследования и пресечения преступлений. В рамках общей тенденции гуманизации особую роль занимают меры домашний арест и запрет определенных действий, вследствие чего проблемы, возникающие при их применении, являются актуальными и значимыми для исследователя.

Основной целью настоящей работы являлось исследование правовой природы мер уголовно-процессуального принуждения, в частности, домашнего ареста и запрета определенных действий. В развитие поставленной цели рассматривались проблемы зачета срока нахождения под запретом определенных действий, связанного с изоляцией от общества в пользу исполнения наказания. Также анализировались часто встречающиеся в доктрине позиции об отсутствии разницы в содержании домашнего ареста и запрета определенных действий.

В работе использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, дедукция, индукция), метод формально-юридический, проводился ретроспективный анализ возникновения и изменения правовых институтов.

По результатам работы было установлено, что одновременное существование в российском уголовно-процессуальном законе мер пресечения в виде запрета определенных действий и домашнего ареста объясняется их различиями правовой природы. Также было установлено, что правовая конструкция ст.72 УК РФ не отвечает принципу правовой определенности в той части, в которой не предусматривает прямого указания на зачет срока нахождения под запретом определенных действий, связанного с изоляцией от общества в пользу исполнения наказания, ввиду чего правоприменительная практика в таких случаях вынуждена использовать положения данной статьи по аналогии в системном толковании с положениями УПК РФ. Вместе с тем, существующие правила зачета срока нахождения под домашним арестом и под указанным запретом в пользу заключения под стражей не отвечают принципу справедливости, ввиду чего для решения проблемы авторами предложена собственная концепция.

Ключевые слова: Запрет определенных действий, домашний арест, меры уголовно-процессуального пресечения, правовая природа, заключение под стражу, зачет срока нахождения под запретом определенных действий

Abstract. The institution of preventive measures in the domestic criminal process is primarily directly related to the effectiveness of the investigation and suppression of crimes. Within the framework of the general trend of humanization, measures of house arrest and the prohibition of certain actions play a special role, as a result of which the problems arising from their application are relevant and significant for the researcher.

The main purpose of this work was to study the legal nature of measures of criminal procedural coercion, in particular house arrest and prohibition of certain actions. In the development of this goal, the problems of crediting the period of being under the ban of certain actions related to isolation from society in favor of the execution of punishment were considered. The positions frequently found in the doctrine about the absence of a difference in the content of house arrest and the prohibition of certain actions were also analyzed.

General scientific methods of cognition (analysis, synthesis, deduction, induction), the formal legal method were used in the work, a retrospective analysis of the emergence and changes of legal institutions was carried out.

According to the results of the work, it was found that the simultaneous existence in the Russian criminal procedure law of preventive measures in the form of a ban on certain actions and house arrest is explained by their differences in legal nature. It was also found that the legal construction of Article 72 of the Criminal Code of the Russian Federation does not meet the principle of legal certainty in the part in which it does not provide for a direct indication of the offset of the period of stay under the ban of certain actions related to isolation from society in favor of the execution of punishment, which is why law enforcement practice in such cases is forced to use the provisions of this article by analogy in the systemic interpretation with the provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. At the same time, the existing rules for setting off the period of being under house arrest and under the specified prohibitions in favor of detention do not meet the principle of fairness, which is why the authors proposed their own concept to solve the problem

Keywords: Prohibition of certain actions, house arrest, measures of criminal procedural restraint, legal nature, detention, offset period of stay under the ban of certain actions

ВВЕДЕНИЕ

Исследование меры пресечения - запрет определенных действий неизбежно связано с соотношением её с иной мерой — домашним арестом. Наше исследование сосредоточено на понимании правовой природы этих мер пресечения. Другими исследователями также предпринимались попытки раскрытия этого соотношения в других аспектах.

В своей работе о проблемах реализации домашнего ареста после появления запрета определенных действий А. В. Орлов рассматривает соотношение срока действия этих мер пресечения и отмечает, что запрет определенных действий в отличие от домашнего ареста может преимущественно применяться к преступлениям небольшой тяжести [1]. По мнению автора срок запрета, предусмотренного по п. 1 ч. 6 ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее по тексту — УПК РФ), в 36 месяцев является выгодным с процессуальной точки зрения при назначении данной меры пресечения и делает ее более приоритетной, чем домашний арест с позиции органов предварительного расследования.

Можно согласиться с данной точкой зрения в определенном отношении. Запреты с меньшей степенью принуждения, предусмотренные ст.105.1 УПК РФ, действительно можно считать более удобными для избрания и доказывания. В том числе ввиду меньшей степени противодействия стороны защиты, для которой более строгая альтернатива в виде домашнего ареста не является благоприятной. Однако, поскольку законом не установлено предельное время запрета, предусмотренного п.1 ч.6 ст.105.1 УПК РФ, рассматриваемый вопрос о про-

цессуальной природе имеет особое значение. С учетом того, что время указанного запрета покидать жилое помещение может составлять и более 23 часов, фактическая разница между запретом определенных действий и домашним арестом может быть минимальной, что не отменяет отличия в их правовой природе и процессуальной роли.

Коллектив авторов в составе И. М. Алексеева, А. С. Данильяна, С. А. Данильяна при рассмотрении проблем теории и практики в применении домашнего ареста и запрета определенных действий считает, что невозможность частичного применения домашнего ареста (с возможностью выхода за пределы жилого помещения) является проблемой [2]. По мнению авторов возможность прогулок не изменит сущности домашнего ареста, заключающейся в изоляции от общества.

По нашему мнению, трактовка «изоляции от общества» применительно к мерам пресечения означает прежде всего ограничение негативного воздействия на участников уголовного судопроизводства и защищаемые законом общественные отношения. Сама по себе изоляция от общества является серьезным воздействием на личность, однако, нецелесообразно делать выводы о сущности той или иной меры пресечения на основе степени изоляции от общества. Подобный подход может привести к выводу о необходимости упразднения той или иной меры пресечения, в то время как, на наш взгляд, их отличие в виде разницы принудительного потенциала происходит из разной правовой природы этих мер принуждения.

На этом основании мы также не можем согласиться с позицией Ю. Ю. Ксендзова о необходимости исключения правила о применении только одной меры пресечения к подозреваемому и обвиняемому [3]. Поскольку каждую из мер пресечения следует признать автономной на основании их правовой природы. Любопытна позиция

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942> (дата обращения: 23.05.2023)

указанного автора относительно возможности комбинировать некоторые из ограничений ст. 105.1 УПК РФ не только с залогом и домашним арестом, но и другими мерами пресечения, например, подпиской о невыезде, присмотром за несовершеннолетним, наблюдением командования воинской части. Однако, полагаем, что в законодательном закреплении такой возможности нет необходимости. Запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, которые могут применяться по отдельности, обладают специальным потенциалом воздействия и способны ограничить отдельные права обвиняемого. Усиление принудительного потенциала других мер, не избираемых по приговору суда, будут изменением их правовой природы.

Похожую позицию о необходимости упразднения запрета определенных действий и распространения ограничений, предусмотренных п.п. 2–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, для всех мер пресечения выдвигают С. А. Яковлева и А. С. Кутянина [4]. С учетом мнения данных авторов, считаем нужным привести еще один контраргумент к данной позиции. Выведение запрета определенных действий из системы мер пресечения создаст проблемы в понимании природы каждой из мер пресечения, которые будут дополнены такими ограничениями. Подобный подход создает риск чрезмерного усложнения законодательства и практики применения, который и так существенен в заданном законодателем курсе на диверсификацию мер пресечения. Именно поэтому для его наилучшей реализации необходимо основание в виде четко сформулированной правовой природы каждой из мер пресечения.

Также можно развить позицию Н. А. Николаевой о том, что запрет определенных действий является результатом конкретизации ограничений домашнего ареста [5]. Можно признать совершенно закономерным дальнейшее совершенствование

запрета определенных действий через дополнение перечня новыми ограничениями. Правовая природа запрета определенных действий не противоречит такому способу модернизации.

Дискуссионный характер данного вопроса подтверждает важное теоретическое и практическое значение разграничения правовой природы мер пресечения в виде запрета определенных действий и домашнего ареста. Четкое определение правовой природы позволит определить место запрета определенных действий в системе мер пресечения и упорядочить иные отношения, складывающиеся в процессе избрания и применения этой меры.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование правовой природы запрета определенных действий и домашнего ареста проводилось с использованием теоретических методов анализа, синтеза, математического моделирования и дедукции.

Анализ применялся для выделения отдельных элементов составляющих правовую природу каждой из исследуемых мер пресечения. Использование этого метода проводилось в разных аспектах. Во-первых, применительно к положениям уголовно-процессуального закона с выделением ограничений в виде правовой диспозиции. В этом отношении анализ был неразрывно связан с формально-юридическим методом исследования. Во-вторых, разрешение вопроса о правовой природе делало необходимым выявление предпосылок и закономерностей трансформации мер пресечения. В этом отношении анализ был неразрывно связан с историческим методом и методом юридической герменевтики.

На основе полученных выводов через применение метода синтеза возможно сделать вывод о разнице в правовой природе домашнего ареста и запрета определенных действий.

Особое значение имеет примененный метод математического моделирования. Целесообразна оптимизация используемых законодателем правил зачета сроков содержания под стражей. В результате использования этого метода в работе представлена оригинальная формула зачета подобных сроков.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Устойчивая форма отечественной системы мер пресечения позволяет подойти к разрешению этой проблемы с точки зрения определения правовой природы отдельных мер пресечения. С самого начала своего формирования институт мер пресечения состоял из набора ограничений, каждое из которых подразумевало ограничение определенного права подозреваемого, обвиняемого с определенной целью. Именно такое содержание можно считать правовой природой меры пресечения.

При обозначении природы отдельных мер пресечения важно разграничить их непосредственное (материальное) и психологическое воздействие на обвиняемого. Психологическое воздействие присуще любой мере пресечения и является частью ее принудительного потенциала. Нежелание претерпевать негативные последствия из-за нарушения условий меры пресечения стимулирует подозреваемого и обвиняемого на соблюдения определенных правил поведения. Создание подобного психологического состояния для обвиняемого обеспечивает достижение всех целей избрания мер пресечения. Однако именно соблюдение определенных правил или ограничений позволяют оформить границы надлежащего поведения. Именно эти ограничения следует брать за основу при определении правовой природы меры пресечения.

На основе анализа правовых ограничений определим правовую природу запрета определенных действий. Статья 105.1 УПК РФ предусматривает следующие обязан-

ности/запреты и корреспондирующие им права, которые подвергаются негативному воздействию.

1. Обязанность своевременно являться по вызовам дознавателя следователя и в суд — правам на свободу передвижения, выбор места пребывания.
2. Запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения — правам на свободу передвижения, на свободу собрания.
3. Запрет находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов — правам на свободу передвижения, собрания, выбор места пребывания.
4. Запрет посещать определенные мероприятия и участвовать в них — праву на выбор места пребывания.
5. Общаться с определенными лицами — правам на свободу слова и коммуникации.
6. Использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» - правам на свободу коммуникации, использования информационных и культурных ценностей.
7. Управлять автомобилем или иным транспортным средством — праву на управление транспортным средством.

Несмотря на то, что большинство из ограничений, предусмотренных запретом определенных действий связаны с ограничением правам на свободу передвижения и места пребывания, нельзя говорить о том, что именно они составляют правовую природу этой меры пресечения. Поскольку запрет определенных действий также предусматривает и иные ограничения (на коммуникацию, управление транспортным средством), которые могут быть применены в качестве единственной и самостоятельной меры воздействия к обвиняемому.

Домашний арест и его правовая природа заключаются в изоляции обвиняемого

от общества (в жилом помещении). Дополнительные ограничения реализации обвиняемым отдельных прав на коммуникацию являются не основным, а дополнительным обеспечением. Они призваны обеспечить информационную изоляцию обвиняемого с учетом актуальных возможностей коммуникации и сами по себе не составляют той основы, которая необходима для определения правовой природы меры пресечения.

Выделение выше «квалифицирующего признака» домашнего ареста об изоляции в жилом помещении сделано нами намеренно. Подобное уточнение позволяет понять истинную правовую природу этой меры пресечения. Уголовно-процессуальный закон предусматривает и другие меры пресечения, которые предполагают изоляцию от общества, например, наблюдение командования воинской части, заключение под стражу. Однако домашний арест является устоявшейся мерой воздействия в праве с собственными тенденциями развития, что также позволяет сделать выводы о его правовой природе.

В. С. Шадрин, с опорой на данные из дореволюционных юридических изданий указывал, что домашний арест после своего возникновения в отечественном законодательстве (в тексте Устава уголовного судопроизводства 1864 г.) отличался от содержания под стражей только местом заключения обвиняемого [6]. В первых уголовно-процессуальных кодексах РСФСР от 1922² и 1923 гг.³ процессуальное значение домашнего ареста не изменилось, мера пресечения определялась как лишение обвиняемого свободы в виде изоляции его на дому, с назначением стражи или без тако-

вой. Появление домашнего ареста в УПК РФ в 2002 г. сопряжено с определением его как меры воздействия в виде «изоляции от общества». Изменения, внесенные в ст.107 УПК РФ в 2018 г., конкретизировали степень этой изоляции как полную, исключив для обвиняемого возможность покидать жилое помещение.

В контексте темы нашего исследования закономерно провести аналогию между мерой уголовного наказания в виде ареста и мерой пресечения в виде домашнего ареста. В силу определенных обстоятельств уголовный арест не имел практики своего применения в России. Тем не менее этот вид наказания закреплен в законе и определен в качестве строгой изоляции от общества. В соответствии со ст. 69 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации⁴ (далее по тексту — УИК РФ) «строгая изоляция» от общества аналогична условиям установленных для осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в условиях общего режима в тюрьме. Они предусматривают полное отсутствие контактов и коммуникации с обществом посредством свиданий, получения посылок и передач, получения образования и профессионального обучения.

Можно согласиться с мнениями о том, что данная мера уголовного наказания несоразмерно конкурирует с кратковременным лишением свободы по степени строгости и является наказанием «шокирующего» характера [7; 8]. Однако данные положения наглядно предоставляют сущность реализации ограничения в виде ареста. Данную сущность можно отразить применительно к институту мер пресечения и конкретно для понимания природы

² Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» // <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.05.2023)

³ Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР» [Электронный ресурс] // <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.05.2023)

⁴ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045146> (дата обращения: 23.05.2023)

домашнего ареста. Изоляция от общества в жилом помещении, принадлежащем обвиняемому на праве собственности, нивелирует ту высокую степень строгости, которая характерна для ареста как вида уголовного наказания.

Стоит отметить, что правовая конструкция ст. 105⁴ УПК РФ устанавливает дискреционные полномочия суда в отношении избрания меры пресечения, предусмотренной п.1 ч.6 данной статьи. Так, суд избирая запрет, связанный с изоляцией от общества, самостоятельно определяет временные периоды, в которые подозреваемый или обвиняемый не может покидать пределы жилого помещения, при этом законодательством не установлены максимальные и минимальные границы такого усмотрения.

В силу ч.3.4 ст. 72 Уголовного кодекса Российской Федерации⁵ (далее по тексту — УК РФ) время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы.

В п. 1¹ ч.1. ст.109 УПК РФ содержится положение, что запрет предусмотренный п. 1 ч.6 ст. 105⁴ УПК РФ засчитывается в срок содержания под стражей по правилу 1 день заключения под стражей за 2 дня запрета. В ст.72 УК РФ отсутствует указание о зачете срока запрета в пользу наказания, но такой зачет проводится пересчетом срока такого запрета определенных действий в срок заключения под стражу, а далее засчитывается в пользу различных видов наказания в порядке данной статьи [9].

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 23.05.2023)

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первоначальная редакция запрета определенных действий содержала открытый перечень ограничений⁶. Однако в итоговом варианте законодатель отказался от этого варианта, сделав перечень закрытым. По нашему мнению, подобный подход усиливает тезис о том, что природа запрета определенных действий представляет собой совокупность ограничений, дополнение которого можно производить через введение новых законодательных изменений.

Можно согласиться с мнениями исследователей о том, что до внесения изменений от 2018 г.: «сущность домашнего ареста была «размыта», так как допускалась полная или частичная изоляция от общества» [10], а также о том, что «домашний арест перестал быть переменной величиной и ... должен пониматься как полная изоляция от общества» [1]. Закрепление домашнего ареста как меры, предусматривающей в качестве принудительного воздействия полную изоляцию от общества можно считать закономерным итогом ее трансформации. Значительную роль в этом отношении сыграло развитие технологий наблюдения. Обеспечение контроля за изоляцией обвиняемого в определенных границах позволили утвердить значение домашнего ареста как самостоятельной меры пресечения, а не подвида «полицейского надзора».

Исходя из положений законопроекта, запрет определенных действий является следствием модернизации мер пресечения в виде залога и домашнего ареста. Это обстоятельство делает закономерным присутствие аналогичных ограничений

⁶ Законопроект № 900722-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» [Электронный ресурс] // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/900722-6> (дата обращения: 23.05.2023)

в положениях о разных мерах пресечения. Однако подобные общие черты не делают закономерным вывод о поглощении одной меры пресечения другой и необходимостью упразднения какой-либо из них.

На этом основании можно утверждать, что домашний арест и запрет определенных действий имеют разную правовую природу, несмотря на то, что имеют в своем содержании аналогичные ограничения.

В своем исследовании Д. А. Ахминова отмечает, что понятие «изоляции от общества» находит свое выражение и в других правовых формах, а именно в виде уголовных наказаний арест, лишение свободы на определенный срок, содержание в дисциплинарной воинской части. Помимо этого, российское законодательство предусматривает несколько различных видов арестов: как вид уголовного наказания, административный арест, домашний арест, дисциплинарный арест [11, с. 78]. Содержание всех этих ограничений предусматривает существенное ограничение прав на свободу и личную неприкосновенность.

Определение домашнего ареста как полной изоляции от общества можно считать корректным выражением природы этой меры пресечения. Вместе с тем, ввиду возможности существенного ограничения прав личности данная мера должна также носить исключительный характер и применяться при необходимых условиях (обстоятельствах). Подтверждения исключительного характера этой меры пресечения можно найти в тексте закона. Например, через непосредственное установление предельного срока домашнего ареста до двух месяцев (ч.2 ст. 107 УПК РФ), через прямое указание закона на право судьи при отказе в удовлетворении ходатайства об избрании домашнего ареста избрать меру пресечения в виде запрета определенных действий или залога (ч. 5 ст. 107 УПК РФ). Наряду с этим, п. 42.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41

от 19.12.2013 г. «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»⁷ предусматривает прямое указание при рассмотрении ходатайств об избрании мер пресечения в виде домашнего ареста обсуждать возможность применения к подозреваемому или обвиняемому залога при наличии к тому оснований.

Обстоятельствами, создающими основания для избрания домашнего ареста, можно считать установление фактов, свидетельствующих о высокой степени риска негативного воздействия обвиняемого на ход уголовного судопроизводства при невозможности избрания заключения под стражу. Например, неоднократные факты выражения неприязненных отношений с потерпевшим в прошлом, зависимость потерпевшего от обвиняемого, склонность обвиняемого к чрезмерной агрессии и др. Обстоятельствами, препятствующими назначению домашнего ареста, можно считать состояние беременности, несовершеннолетие обвиняемого, наличие заболеваний, требующих стационарного медицинского наблюдения, покупку лекарственных препаратов и др.

Положения ст.72 УК РФ представляются, как не соответствующие принципу правовой определенности, ввиду чего судебная практика вынуждена была пойти по пути зачета сроков нахождения под запретом, связанным с изоляцией от общества в пользу исполнения наказания, по аналогии с зачетом срока заключения под стражу.

Применение уголовного закона по аналогии недопустимо не только в отношении

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 г. «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [Электронный ресурс] // http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=5&nd=204003775&collection=1 (дата обращения: 23.05.2023)

статей особенной части, но и в отношении общей части, так как такая ситуация порождает необоснованно широкие пределы судебного усмотрения, а судебная практика становится инструментом правотворчества [12]. Так, в доктрине существует мнение, что: «одной из задач введения запрета определенных действий является исключение зачета периода его действия в срок наказания» [13].

При этом как неоднократно указывал Конституционный суд РФ: «Критерии ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе правового регулирования приобретают особую значимость применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей природе крайним, исключительным средством, с помощью которого государство реагирует на противоправное поведение в целях охраны общественных отношений».⁸

Учитывая вышесказанное, представляется необходимым согласиться с мнением о том, что: «Для обеспечения правовой стабильности и определенности в УК РФ необходимо внести изменения и дополнить ст. 72 ч. 3.5, определяющей пропорцию зачета срока запрета определенных действий в срок лишения свободы» [14, с. 61]. Необходимо сделать замечание, что такой зачет возможен только применительно к запрету, связанному с изоляцией от общества, то есть предусмотренному п.1 ч.6 ст. 105¹ УК РФ.

Стоит отметить, что законодателем установлено одинаковое правило зачета до-

машнего ареста и запрета, связанного с изоляцией от общества. При этом, положения ст. 107 УК РФ в актуальной редакции устанавливают круглосуточное ограничение на выход из помещения для лиц находящихся под домашнем арестом. С введением института запрета определенных действий законодатель установил дифференцированный подход к выбору периода изоляции в помещении, но не установил дифференцированное правило зачета такого периода. В части не дифференцированного подхода к зачету сроков нахождения под запретом предусмотренным п.1 ч.6 ст.105¹ УК РФ система действующего правового регулирования представляется, как не отвечающая принципу справедливости.

Ввиду чего предлагается изменить правило зачета нахождения под запретом, предусмотренным п.1 ч.6 ст.105¹ УК РФ, и которое будет учитывать количество часов нахождения под запретом. Представляется, что соотношение зачета сроков нахождения под запретом в пользу содержания под стражей будет рассчитываться по действующим правилам, то есть 1 день второго за 48ч. первого. Такая конструкция соответствует логике зачета периода домашнего ареста, если же к лицу применяются не круглосуточные ограничения на выход из помещения, а частичные, то есть применяется запрет, предусмотренный п.1 ч.6 ст. 105¹ УК РФ, то расчет осуществляется по следующей формуле:

$$x = \frac{a}{48} \times b + \frac{a_1}{48} \times b_1 \dots + \frac{a_n}{48} \times b_n$$

Где x — искомое кол-во дней содержания под стражей;

a — период действия запрета (кол-во часов в сутки);

b — срок действия запрета (в днях);

a_1 — период действия запрета (кол-во часов в сутки) в случае принятия решение об изменении периода запрета;

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В. В. Баталова, Л. Н. Валуевой, З. Я. Ганиевой, О. А. Красной и И. В. Эпова» // [Электронный ресурс] // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102663/ (дата обращения: 23.05.2023)

b_1 — срок действия запрета (в днях) с новым периодом запрета;

a_n — период действия запрета (кол-во часов в сутки) в каждом последующем новом решении об изменении периода запрета;

b_n — срок действия запрета (в днях) в каждом последующем новом периоде запрета.

В случае, если при расчете результат представлен не целым числом, то предлагается округлять его в пользу подозреваемого или обвиняемого, то есть до следующего дня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Законодательное содержание запрета определенных действий позволяет определить правовую природу этой меры пресечения в качестве нормативного аккумулятора для различных ограничений. В настоящий момент норма содержит в себе шесть запретов. Однако нельзя исключать возможности расширения этого состава новыми ограничениями. Более того, дополнение нормы через внедрение новых и актуальных ограничений отдельных прав будет вы-

ступать качественной модернизацией уголовно-процессуального закона.

Одновременное существование в российском уголовно-процессуальном законе мер пресечения в виде запрета определенных действий и домашнего ареста полностью оправданно. Ввиду различия правовой природы этих мер пресечения они не исключают друг друга, а расширяют возможности правоприменения, с обеспечением гарантий прав личности.

Представленные позиции по усовершенствованию уголовно-процессуального закона позволят исключить правовую неопределенность в части зачета сроков запрета определенных действий, связанного с изоляцией от общества в пользу исполнения наказания, а также добиться справедливости при зачете сроков данного запрета в сравнении с зачетом сроков домашнего ареста. Такие изменения позволят исключить двусмысленное толкование в судебной практике, а дифференцированный подход к исчислению сроков будет соответствовать принципу справедливости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Орлов А. В. Актуальные проблемы реализации домашнего ареста в свете введения меры пресечения в виде запрета определенных действий / А. В. Орлов // Вестник Самарского юридического института. — 2018. — № 3 (29). — С. 48–51. EDN: <https://elibrary.ru/xvqvkh>
2. Алексеев И. М. Домашний арест и запрет определенных действий: проблемы теории и практики / И. М. Алексеев, А. С. Данильян, С. А. Данильян // Вестник краснодарского университета МВД России. — 2021. — № 3 (53). — С. 53–57. EDN: <https://elibrary.ru/ovzrhp>
3. Ксендзов Ю. Ю. Меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста: вопросы их соотношения и практики применения / Ю. Ю. Ксендзов // Право и политика. — 2020. — № 8. — С. 67–84. EDN: <https://elibrary.ru/yeweec>
4. Яковлева С. А. Проблемы соотношения запрета определенных действий с другими мерами уголовно-процессуального пресечения / С. А. Яковлева, А. С. Кутянина // Вестник марийского государственного университета. Серия: исторические науки. Юридические науки. — 2019. — Т. 5, № 1 (17). — С. 87–96. EDN: <https://elibrary.ru/tashvv>

5. Николаева Н. А. Генезис запрета определенных действий в российском уголовном процессе / Н. А. Николаева // Вестник краснодарского университета МВД России. — 2019. — № 3 (45). — С. 44–47. EDN: <https://elibrary.ru/gdrfrt>
6. Шадрин В. С. Домашний арест: обновляемая мера пресечения / В. С. Шадрин // Криминалист. — 2012. — № 1. — С. 45–51. EDN: <https://elibrary.ru/vxuwsf>
7. Степашин В. М. Арест как вид уголовного наказания / В. М. Степашин // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2011. — № 4 (29). — С. 130–134. EDN: <https://elibrary.ru/piksrb>
8. Беляев В. Г. Уголовное право. Общая часть : Учебник / В. Г. Беляев, А. И. Бойко, Н. И. Ветров. — Москва: ПРИОР, 1999. — 542 с.
9. Николук В. В. Новые правила зачета в срок наказания времени содержания лица под стражей, изоляции от общества при применении мер пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий / В. В. Николук // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2018. — № 4 (87). — С. 112–121. EDN: <https://elibrary.ru/yqxmst>
10. Андроник Н. А. Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования : специальность 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Андроник Наталья Ауреловна. — Екатеринбург, 2022. — 222 с.
11. Ахминова Ю. Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования : специальность 12.00.09 «уголовный процесс»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ахминова Юлия Юрьевна. — Санкт-Петербург, 2017. — 181 с.
12. Курсаев А. В. Текстуальный объем уголовного закона / А. В. Курсаев // Право: ретроспектива и перспектива. — 2022. — № 3 (11). — С. 50–56. EDN: <https://elibrary.ru/pttpwm>
13. Петровских А. С. Запрет определенных действий: толкование и проблемы применения / А. С. Петровских, Е. В. Смахин // Российское право: образование, практика, наука. — 2018. — № 4. — С. 19–24. EDN: <https://elibrary.ru/yorvut>
14. Желева О. В. Некоторые проблемы исчисления и зачета срока запрета определенных действий в срок домашнего ареста, заключения под стражу и лишения свободы / О. В. Желева, А. С. Ткач // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 45. — С. 50–65. EDN: <https://elibrary.ru/ffpzkg>. DOI: <https://doi.org/10.17223/22253513/45/4>

REFERENCES

1. Orlov A. V. Actual problems of house arrest in the context of new preventive measure prohibiting certain actions. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 2018, No. 3 (29), pp. 48–51.
2. Alekseev I. M., Danil'ian A. S., Danil'ian S. A. House arrest and prohibition of certain actions: problems of theory and practice. *Vestnik krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2021, No. 3 (53), pp. 53–57.
3. Ksendzov Iu. Iu. Preventative measures in form of a restriction of certain actions, collateral, and house arrest: questions of their correlation and practices of application. *Pravo i politika*, 2020, No. 8, pp. 67–84.
4. Iakovleva S. A., Kutianina A. S. Problems of the ratio of prohibition of certain actions with other measures of criminal procedure restraint. *Vestnik mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoricheskie nauki. Iuridicheskie nauki*, 2019, vol. 5, No. 1 (17), pp. 87no.96.
5. Nikolaeva N. A. The genesis of the prohibition of certain acts in the russian criminal process. *Vestnik krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, No. 3 (45), pp. 44–47.
6. SHadrin V. S. Home arrest: updated measure of restriction. *Kriminalist*”, 2012, No. 1, pp. 45–51.
7. Stepashin, V. M. Arrest as a form of criminal punishment. *Vestnik omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2011, No. 4 (29), pp. 130–134.
8. Belyaev V. G. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* : Uchebnik [Criminal law. The general part]. Moscow, Prior, 1999, 542 p.

9. *Nikolyuk V. V.* New rules for setting off the time of punishment of duration of the person in custody, isolation from the society when applying restrictive measures in the form of a house arrest, proscription of specific actions. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2018, No. 4 (87), pp. 112–121.
10. *Andronik N. A.* Mery presecheniya, izbiraemye sudom po hodatajstvu organov predvaritel'nogo rassledovaniya: problemy pravoprimereniya i zakonodatel'nogo regulirovaniya [Preventive measures chosen by the court at the request of the preliminary investigation bodies: problems of law enforcement and legislative regulation]. Ph. D. thesis. Ekaterinburg, 2022, 222 p.
11. *Ahminova YU. YU.* Domashnij arest kak mera presecheniya: problemy izbraniya i realizacii na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya [House arrest as a preventive measure: problems of election and implementation at the stage of preliminary investigation]. Ph. D. thesis. Saint Petersburg, 2017, 181 p.
12. *Kursaev A. V.* The textual scope of the criminal law. *Pravo: retrospektiva i perspektiva*, 2022, No. 3 (11), pp. 50–56.
13. *Petrovskih A. S.* Prohibition of certain actions: interpretation and problems of enforcement. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2018, No. 4, pp. 19–24.
14. *Zheleva O. V.* Some problems in calculating and counting the period of prohibition of certain actions against the period of house arrest, detention and imprisonment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, No. 45, pp. 50–65. DOI: <https://doi.org/10.17223/22253513/45/4>

Статья поступила в редакцию 17.05.2023; одобрена после рецензирования 07.06.2023; принята к публикации 15.06.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was submitted 17.05.2023; approved after reviewing 07.06.2023; accepted for publication 15.06.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.